

Ундина — эпизод 21 из 29

Голос ее был так убедителен, очи так нежны,
Все в ней являло такую покорность, что в сердце Гульбранда
Солнечный луч минувших дней пробежал; он Ундину
Дружески за руку взял и в ближнюю горницу с нею
Вышел; и вот что ему сказала она: Уж коварный
Дядя мой Струй довольно известен тебе; не один раз встречался
Он с тобою здесь в замке; Бертальде же так он
Страшен, что может она умереть. Он бездушен, он просто
Отблеск стихийный наружного мира; что в жизни духовной
Здесь происходит, то вовсе чуждо ему; здесь глядит он
Только на внешность одну. Замечая, как ты недоволен
Мной иногда бываешь, как я, неразумный младенец,
Плачу, как в то же время Бертальду, случайно быть может,
Что-нибудь заставляет смеяться, в своем безрассудстве
Видит он то, чему здесь и признака нет, колобродит,
Злится и в наши дела, незванный, мешается; пользы
Нет от того никакой, что ему я грожу и гоняю
С сердцем отсюда его; он мне, упрямый, не верит; в бездушной,
Бедной жизни своей никогда не будет способен
Он постигнуть того, что в любви и страданье и радость
Так пленительно сходны, так близко родня, что разрознить
Их никакая сила не может: с улыбкою слезы
Сладко сливаются, слезы рождают улыбку. И очи,
Полные слез, с улыбкой поднявши, она исподлобья
Робко смотрела Гульбранду в лицо; и все трепетанье
Прежней любви он почувствовал в сердце; Ундина глубоко
То поняла, к нему прижалась нежней и в блаженстве
Радостных слез продолжала: Когда словами не можно
Нам бестолкового дядю Струя унять, то затворим
Вход ему в замок; единственный путь, которым сюда он
Может свободно всегда проникать, есть этот колодезь;
Он с другими духами здешних источников в ссоре;
Царство ж его начинается ниже, вдоль по Дунаю.
Вот для чего я на камне, которым колодезь задвинут,
Знаки свои написала: они беспокойного дядю
Струя власти лишили, и он ни тебя, ни Бертальду

Боле не будет тревожить; он камня не сдвинет. Но людям
Это легко; ты можешь исполнить желание Бертальды;
Но, поверь мне, она не знает, чего так упрямо
Требуешь; Струй на нее особенно злится. А если
Сбудется то, что он предсказал мне (хотя и без всякой
Мысли худой от тебя), то и сам ты, мой милый, не будешь
Вне опасности. Рыцарь, глубоко проникнутый в сердце
Великодушным поступком своей небесной Ундины,
Обнял ее с горячностью прежней любви. Мы не тронем
Камня; отныне ж и все, что ты когда ни прикажешь,
Будет в замке от всех, как теперь, исполняемо свято,
Друг мой Ундиночка. Так ей рыцарь сказал, и Ундина,
Руку целуя ему в благодарность за милое, столько
Времени им позабытое слово любви, прошептала
Робко: Милый мой друг, ты ныне со мной так безмерно
Милостив, ласков и добр, что еще об одном попрошу я.
Видишь ли? Ты для меня как светлое лето; в сильнейшем
Блеске своем оно иногда себя покрывает
Огненно-грозным венцом громовых облаков и владыкой,
Истинным богом земли нам является; точно таков ты
Кажешься мне, когда, на меня прогневан бывая,
Грозно сверкаешь, гремишь и очами и словом; и в этом,
Милый, твоя красота, хотя и случится порою
Мне, безрассудной, плакать; но слушай, друг мой: воздержен
Будь на водах от гневного слова со мною; единым
Словом таким меня передашь ты в волю подводных
Сродников; мстя за обиду их рода, они не возвратят
В море меня увлекут, и там в продолжение целой
Жизни я буду под влажно-серебряным сводом в неволе
Плакать, и мне уж к тебе не прийти; а если приду я...
Боже! то это будет и пуще тебе на погибель.
Нет, мой сладостный друг, избавь меня от такого
Бедствия. Рыцарь торжественно дал обещанье исполнить
Просьбу ее, и они с веселым лицом возвратились
В горницу, где их Бертальда ждала. Она уж успела
Слуг к колодцу послать, чтоб они, по первому знаку
Рыцаря, камень свалили с него. Не трогайте камня,
Холодно рыцарь сказал, и помните все, что Ундина
В замке моем одна госпожа, что ее приказанья

Святы. При этом слове Бертальда, в лице изменившись,
Скрылась. Вот уж и ужина час наступил, а Бертальды
Не было. Рыцарь послал за нею, но вместо Бертальды
В спальне ее опустевшей нашли записку на имя
Рыцаря; вот что стояло в записке: Вы приняли, рыцарь,
В дом свой меня, недостойную дочь рыбака, и о низком
Роде своем я безумно забыла; за то в наказание
Доброю волей иду к отцу рыбаку, чтоб, в убогой
Хижине скрывшись, о счастье земном не мечтать; наслаждайтесь
Долго им вместе с вашей прекрасной супругой. Ундина
Сильно была опечалена; рыцаря вслед за Бертальдой
Стала она посылать ее убеждения, однако,
Были не нужны; он сам на то был готов. Но в какую
Сторону ехать за ней? Никто об этом не ведал.
Рыцарь сидел на коне и хотел уж свой путь наудачу
Выбрать, как вдруг явился пастух и сказал, что Бертальда
Встретилась с ним у входа Черной Долины; стрелою
Рыцарь пустился туда, не слыша того, что в окошко
Вслед за ним кричала Ундина: Но езд! не езд,
Милый! постой! Гульбранд, берегися Черной Долины!
Стой! назад! иль, бога ради, позволь мне с собою
Ехать!.. Но рыцарь уж был далеко. Ундина поспешно
Села сама на коня и одна за ним поскакала.

Эта долина, в то время слывшая Черной Долиной,
Очень близко была от замка, а как называют
Нынче ее, неизвестно; тогда ж поселяне ей имя
Черной дали за то, что глубоко среди диких утесов,
Елями густо заросших, лежала она, что кипучий,
Быстрый поток, на скалистом дне ущелья шумевший,
Черен меж елей бежал и что небо нигде голубое
В мутные воды его не светило. В сумерки стало
Вдвое темней и ужасней меж елей и диких утесов.
Рыцарь с трудом пробирался вдоль берега; страшно
Было ему за Бертальду, и засветло встретиться с нею
Он торопился; по всем сторонам с напряженным вниманьем
Взор обращал он, и сердце в нем билось сильнее; он со страхом
Думал: что будет с нею, если заблудится в этом

Диком месте, ночью и в грозу, которая черной,
Тяжкой тучей шла на долину?